

ВЛАДИСЛАВ ЛОСКУТОВ

Начало истории

Возможен ли прогресс без социальных революций?

Несмотря на видимое благополучие и внешнее общественное спокойствие, российские граждане все острее ощущают растущую угрозу социальных потрясений, а некоторые политики даже прогнозируют вероятность того, что при сохранении нынешних условий власть «будет растерзана» и кое-где, «возможно, не только политически, но и физически»¹. Произойдет ли это в действительности? История существования человечества убеждает, что потенциал его прогрессивного развития в конечном счете реализуется. Но она же, включая нынешние события, дает основания для пессимистичного вывода, сделанного Ф. Энгельсом в конце его жизни, что «мы, люди, к несчастью, так глупы, что никак не можем найти в себе мужества осуществить действительный прогресс, если нас к этому не принудят страдания, которые представляются почти непомерными»². Глупость человеческая действительно является существенным фактором революционных способов осуществления общественного прогресса. Причем глупость не столько революционеров, спешащих осуществить

прогресс раньше, чем созрели необходимые для этого объективные условия, сколько тех, кто стремится сохранить как можно дольше удобные для них, но отживающие общественные отношения. Их глупость и корысть.

Бывают, конечно, революции, которые проистекают из незнания, непонимания людьми объективных законов развития общества. О глупости говорить приходится только в тех случаях, когда знания, уже полученные предшествующим опытом человечества и даже так или иначе осмысленные научным сознанием, отвергаются, а ошибки повторяются. К таким случаям следует отнести неприятие «элитой» современных промышленно развитых стран давно известного науке и уже неоднократно подтвержденного исторической практикой факта *неизбежности отмирания капиталистического общества*, то есть общества, в котором *господствуют интересы капиталистов*, и замещения его более прогрессивной общественной формой, в которой *господствуют совместные интересы всех членов общества*.

Не приходится сомневаться, что попытки «элиты» еще дольше затянуть этот неизбежный процесс, не могут кончиться ничем иным, как насильственной революцией, если, конечно, человечество не найдет в себе ума, способностей и мужества осуществить его

¹ М. Делягин. Социально-экономическая программа будущей революции. — «Свободная Мысль»-XXI. 2005. № 7. С. 69.

² Ф. Энгельс. Письмо к Полю Лафаргу. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 39. С. 35.

эволюционно, применив на практике те знания, которые известны мировой науке уже более чем сто лет. Чтобы предотвратить такой сценарий, нынешнему поколению разумной части общества ничего другого не остается, кроме как задаться целью осуществлять прогресс эволюционными методами, без новых революций. Для этого, очевидно, необходимо опереться на положительные знания, выработанные общественными науками, в том числе и прежде всего остановить деградацию фундаментальных экономических знаний, служащую в настоящее время одним из основных факторов нагнетания в обществе взрывоопасной революционной ситуации.

Одним из признаков деградации экономических знаний являются попытки возродить в общественном сознании примитивное представление о вечности капитализма и даже о возможности легитимации в России крупной частной собственности³. Экономической науке предстоит подтвердить гениальный вывод К. Маркса, что «буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов». А также убедить человечество в том, что «развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»⁴. Если науке удастся этого добиться, вопросы эволюцион-

ного развития общества станут наиболее востребованными предметами не только экономической теории, но и экономической политики.

Первые шаги в разработке эволюционной теории общественного развития уже сделаны. Наиболее значимые результаты изложены в работах Т. Веблена, Й. Шумпетера, Дж. Гэлбрейта, Дж. Ходжсона, других институционалистов. Р. Нельсон и С. Уинтер посвятили ей свою книгу «Эволюционная теория экономических изменений». Правда, они ограничили объект своей теории задачей исследования «потенциальных возможностей и поведения коммерческих фирм, функционирующих в условиях рынка»⁵. Предмет эволюционной теории достоин того, чтобы его рассматривать в масштабе общества в целом, в совокупности всех способов хозяйствования и других отношений.

Главное свидетельство конца предыстории

Научный вывод, сделанный классиками марксизма в середине XIX века, блестяще завершился в веке двадцатом. В конце XX столетия подтвердился и вывод В. И. Ленина об империалистической фазе буржуазной формации как «умирающем капитализме». Современный кризис буржуазной финансовой системы, по глубине падения превзошедший тот, что привел к Великой депрессии, позволяет говорить, что в начале XXI века капитализм погиб окончательно, поскольку спасение общества отныне возможно только на преимущественно общественных принципах управления его финансами.

Однако этот исторический факт многими людьми все еще остается не замеченным, как когда-то по первым кризисам земельной собственности

³ См. Г. Явлинский. Необходимость и способы легитимации крупной частной собственности в России: постановка проблемы. — «Вопросы экономики». 2007. № 9.

⁴ К. Маркс. К критике политической экономии. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 13. С. 8.

⁵ Р. Нельсон, С. Уинтер. Эволюционная теория экономических изменений. М., 2000. С. 19.

римским обывателям не была очевидна гибель Римской империи. Больше того, сторонники рыночных реформ фундаментальный вывод К. Маркса о завершении буржуазной общественной формацией предистории человеческого общества считают ошибочным. Им все еще кажется, что реформы 1990-х годов, начатые под лозунгом «перехода от командно-административной к рыночной экономике», ознаменовали не только историческую победу рынка над государственным регулированием, но и «крах социализма», знаменующий наступление эры капитализма во всем мире во веки веков.

Научно обосновать такое представление до сих пор никто даже не попытался. Рыночно настроенные теоретики только необоснованно радуются, а зашоренные устаревшими социалистическими лозунгами коммунисты столь же необоснованно огорчаются факту появления новых миллиардеров, которых они ошибочно принимают за капиталистов. Тем более факт гибели капитализма как формации, то есть господствующего уклада, в мировом масштабе нуждается в освещении теми, кто понимает суть этого исторического события.

Кризис, остановивший развитие российской экономики, сказался и на экономической науке. Здесь он выразился в деградации главным образом тех знаний, выработанных мировой экономической мыслью, которые обеспечивают *понимание объективных законов развития экономических отношений* и которые необходимы *всем гражданам* демократического общества, для того чтобы правильно ориентироваться в текущей экономической обстановке и принимать сознательное участие в обусловленной ею политической жизни общества. Но есть у кризиса и положительный эффект. Он проявился в том, что воцарившийся в советской науке *догматический марксизм* лишился государственной поддержки и тем самым принудительной

силы, а российские ученые получили возможность лично познакомиться со всем разнообразием мировой экономической мысли, чтобы убедиться, что в настоящее время, при всех специфических достоинствах различных научных школ, нет более цельного и глубокого фундаментального учения, чем классический марксизм.

Догматизация марксизма явилась следствием его превращения в государственную идеологию и готовности известной части теоретиков, обслуживающих идеологическую функцию власти, одобрять все ее решения, не заботясь об их обосновании. В этом нет ничего удивительного. В. И. Ленин как-то резонно заметил, что если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверняка бы опровергались. Но, судя по реакции коллег Лобачевского на его идеи, даже геометрические аксиомы вызывают у людей сопротивление и воспринимаются ими с трудом. Поэтому можно если не оправдать, то понять марксистских догматиков, работавших в условиях страха перед деспотическим режимом. Гораздо меньше оправдания заслуживают сегодняшние представители науки, превратившие в догму либеральные рыночные теории только ради карьеры и материальной выгоды.

Так или иначе, надо знать и считаться с тем, что в сфере общественных наук догматизация господствующих теорий как следствие подстраивания массы конъюнктурщиков с целью спекуляций на них представляет достаточно распространенное явление. Методология эволюционного развития современного общества опирается на весь комплекс достоверных знаний, полученных социально-экономическими науками. Целью эволюционной теории является обоснование возможности развития общества и осуществления необходимых социальных изменений без революционного насилия, эволюционными методами.

То, что изменения в общественных отношениях на достаточно длительном отрезке времени неизбежны, составляет, можно сказать, аксиому. Минимальный заметный период этих изменений — поколение людей, входящих в производственный процесс, то есть приблизительно 25 лет. Каждые 50 лет накапливаются ощутимые основания для социальных изменений, а каждые 75 лет эти основания становятся критическими, если господствующая социальная группа продолжает настаивать на сохранении общественных отношений без качественных изменений.

Вторая аксиома состоит в том, что производительные силы конкретных сообществ обычно различаются по уровням своего развития, обуславливая сосуществование нескольких различных способов производства, в составе которых как закон существует «определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому точно так же определяют место и влияние всех остальных отношений»⁶. К сожалению, современные теоретики не придают этому закону должного значения и не делают из событий, происшедших в последние 150 лет, необходимых выводов.

Произошло же за это время ни много ни мало как *превращение преимущественно конкурентного рынка в рынок преимущественно монополизированный, на котором определяющую роль стали играть не капиталисты (частные собственники капитала) и предприниматели, а наемные управляющие корпораций*. Первые факты такого рода были отмечены еще основоположниками марксизма. Впоследствии, в течение XX века, они многократно подтверждались представителями разных школ и легли в основу ряда теорий,

раскрывающих преходящий характер капитализма, — от Г. В. Плеханова и В. И. Ленина до Т. Веблена и Д. Белла, Й. Шумпетера и Дж. Гэлбрейта.

Накопившиеся факты позволяют составить сложную картину экономик современных развитых стран, которые, хотя и не являются социалистическими, поскольку в них наличествуют капиталистические элементы, но и однозначно капиталистическими их тоже назвать нельзя, так как элементы социализма в них не только присутствуют, но и развиваются. Д. Белл безусловно прав, замечая, что традиционная концепция капитализма как общества с антагонистическими классами «утратила прежнее значение» и «акценты сместились с капитала как общественного отношения на капитал как средство увеличения богатства»⁷. Поэтому современное общество часто называют *посткапиталистическим*, хотя это название является недостаточным, так как не выражает социальной определенности общества — характеристики того его слоя, интересы которого являются доминирующими.

Суть дела, однако, не в названии, а в понимании *многоукладной* структуры общества. Дурным наследием догматических школ, включая советский официозный марксизм и западный мейнстрим, является ограничение анализа общества одним из его укладов или способов производства. Причем марксистские догматики ограничивались хотя бы основным, социалистическим, укладом, характеризующим формацию. Рыночные догматики, в отличие от них, ограничивают свой кругозор не только не господствующим, но даже *отмирающим*, капиталистическим, укладом. Правильной теории на материалах такого ограниченного анализа построить невозможно. Тео-

⁶ К. Маркс. Экономические рукописи 1857—1859 гг. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 46. Ч. 1. С. 43.

⁷ Д. Белл, В. Л. Иноземцев. Эпоха разобщенности. Размышления о мире XXI века. М., 2007. С. 17.

рия должна принимать во внимание все существующие уклады. Нельзя поэтому абстрагироваться от того факта, что современные сообщества — будь то Россия, США, европейская или иная страна — представляют собой единство как минимум пяти способов производства (укладов, способов хозяйствования):

— *домашнего хозяйства*, включающего личное подсобное, в котором осуществляется основной процесс воспроизводства важнейшего экономического ресурса — рабочей силы;

— *предпринимательского, в том числе капиталистического, хозяйства мелкого и среднего бизнеса*, которое не оказывает определяющего влияния на объем валового продукта, но обеспечивает занятость большей части населения;

— *корпоративного хозяйства*, состоящего, как правило, из монополий и оказывающего существенное влияние на экономику сообщества и социальное положение всего населения. Особенность этого способа хозяйствования состоит в том, что важнейшие решения в корпорациях принимают наемные управляющие, менеджеры, которые при недостаточном контроле, руководствуясь личными интересами, способны причинять собственникам значительный ущерб;

— *государственного хозяйства*, осуществляющего производство товаров и услуг социального жизнеобеспечения (образование, здравоохранение, энергетические ресурсы, транспортные, коммунальные и жилищные услуги, наука и культура). По мере отмирания капиталистических форм хозяйствования прослеживается *тенденция усиления роли государства* в воспроизводстве этих благ как нерыночными, так и рыночными методами. *В результате складывается качественно новый тип рынка — государственный рынок товаров и услуг, наиболее развитая форма которого в настоящее время достигнута в США;*

— *смешанного государственно-корпоративного хозяйства*. С начала XX века в развитых индустриальных странах определяющим стал государственно-монополистический способ хозяйствования, который к концу столетия получил дальнейшее качественное развитие, став господствующим в экономике. Соответственно изменился и социальный характер этой формы хозяйствования. Оставаясь *экономически* государственно-монополистической формой, в *социальном* плане она превратилась во всем мире из государственно-капиталистической в государственно-корпоративную.

Различие этих форм, невнимательным наблюдателям кажущееся несущественным, на самом деле принципиально меняет сущность социально-экономических отношений, поскольку *собственниками современных корпораций*, в отличие от корпораций начала XX века, *являются преимущественно не капиталисты, а государство, пенсионные, страховые и иные общественные фонды*. Причем если в России в XX веке смена собственников корпораций совершилась революционным способом, то в западных странах этот процесс развивался *эволюционно* в течение целого столетия под влиянием продолжающегося процесса капиталистического обобществления производства.

Совокупность этих способов хозяйствования служит экономической основой современной системы индустриально развитого общества, которая складывается из пяти названных укладов и трех типов рынков: 1) конкурентного, 2) монополистического и олигополистического, 3) монополистического государственного. Помимо рыночной экономической системы современных стран включает нерыночную подсистему, не подчиняющуюся законам рынка. К ней относятся домашнее хозяйство и нерыночная экономическая деятельность государства, обусловленная его ответственностью за

социальное положение своих граждан, справедливое распределение личных доходов и социальную стабильность в обществе. Во исполнение этих функций современные государства, в частности, объективно вынуждены:

- сокращать безработицу и до ее полной ликвидации поддерживать благосостояние безработных на достаточном уровне;

- не допускать чрезмерной дифференциации доходов населения;

- обеспечивать нормальные жилищные условия граждан и доход не ниже минимального уровня потребления;

- обеспечивать эффективное функционирование крупных корпораций независимо от их правовых форм собственности.

В силу столь сложной экономической системы государство не просто «вмешивается» в экономику, а является полноценным и активным ее субъектом, выполняющим функции предпринимателя, банкира и кредитора, а также осуществляет нерыночную экономическую политику. Государственная *нерыночная* политика в сфере домашнего хозяйства заключается в гарантировании дохода от использования рабочей силы работодателями не ниже уровня прожиточного минимума. Предприниматели малого и среднего бизнеса действуют практически полностью за счет собственных сил и средств, поэтому грамотная *нерыночная* политика государства по отношению к ним состоит в наибольшем благоприятствовании, щадящем налогообложении и защите от недобросовестной конкуренции крупных монополий.

Государственная *нерыночная* политика в корпоративной сфере, напротив, требует тщательного контроля использования материальных и финансовых средств корпораций, изъятия в бюджет рентных доходов и монопольной сверхприбыли, а также ограничения доходов топ-менеджеров разумным уровнем оплаты их труда. *Предостав-*

ление менеджерам возможности получать доход на правах собственников, в сотни и тысячи раз превышающий среднюю заработную плату, является виной современного государства и грубейшей ошибкой, если не преступлением, политиков, создающих условия для чрезмерной, общественно опасной дифференциации доходов.

Основоположники марксизма открыли человечеству основной закон экономического развития общества — закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Последующая историческая практика показала, что в зависимости от надстроечных (идеологических и политических) условий он может осуществляться не только революционно, но и эволюционно. Развитие капитализма в Западной Европе — самый наглядный пример *эволюционной социализации* капиталистического общества. Необходимость принятия во внимание всей системы экономических отношений общества, а не только некоторых из его укладов, объясняется тем, что все сектора и рынки общества, будучи связанными, развиваются по своим экономическим законам. Если бы советские догматики знали это и считались с этим, они бы еще в 1960-х годах поняли наличие в СССР оснований для частной собственности, и до трагедии развала государства дело могло не дойти.

У советской науки был даже шанс, который мог позволить ей сохранить свою репутацию марксистской школы и спасти страну от развала. Он состоял в развитии *концепции личной собственности на рабочую силу как основного фактора товарных отношений при социализме*, выдвинутой украинским экономистом В. П. Корниенко. Его концепция не получила поддержки коллег, зато удостоилась суровой отповеди со стороны «чиновников от науки». Издание его монографии «Личная собственность как социали-

стическое производственное отношение», написанной еще в 1974 году, которое могло бы стать крупным научным событием, было запрещено. Только в 1990-м была опубликована статья, в которой В. П. Корниенко смог высказать свой главный научный вывод о том, что, помимо кооперативно-колхозной формы собственности, «единственным товарообразующим фактором в условиях социализма является, в конечном счете, личная собственность»⁸.

Но было уже поздно. Да и тогда еще ученые экономисты не поняли сути революционного открытия, сделанного В. П. Корниенко, и не оценили его. Между тем в нем содержалась возможность поставить экономику СССР на рельсы *эффективной рыночной системы*, по которым сейчас движется Китай. Суть заключается в признании рабочей силы граждан страны их частной собственностью, из чего следует политика *легитимации мелкой частной собственности и малого бизнеса* во всех отраслях при сохранении основных средств производства в собственности государства. Такая политика позволила бы создать рыночную экономику, адекватную уровню развития производительных сил, достигнутых в СССР, без огульного разгосударствления основных средств производства и вытекающего из него разгула «дикого капитализма». Однако этого не случилось, за что значительную часть вины должно взять на себя сословие ученых-экономистов.

Вопреки марксистскому учению об объективном характере экономических законов и их независимости от человеческого сознания, советские экономисты под влиянием эйфории от достигнутых побед большевиков или из карьерных соображений стали склоняться к идее, что при социализме власть может если не устанавливать

экономические законы, то не считаться с ними. Пришлось вмешаться самому «товарищу Сталину», указавшему, что товарищи, которые «отрицают объективный характер законов науки, особенно законов политической экономии при социализме... глубоко ошибаются»⁹. Но и это не помогло.

Заинтересованность власти в использовании экономической науки для подтверждения правильности своей экономической политики, способствует тому, что в этой области знания подвизается немало карьеристов, готовых одобрить и «научно» обосновать любое ее решение. Поэтому, когда с приходом либеральной власти был совершен идеологический поворот на 180 градусов, они легко сменили догматизированный марксизм на вообще оторванный от реальности доставленный с Запада «мэйнстрим», даже не разобравшись поначалу, что это такое.

Настоящим ученым трудно соревноваться с такими специалистами. Для того чтобы им соответствовать, как ехидно, но справедливо заметил один западный экономист, «тот, кто намеревается делать карьеру экономиста, должен быть достаточно умен, чтобы постичь абстрактные результаты неоклассической теории, и достаточно туп, чтобы поверить в их истинность»¹⁰. Однако действительность в конечном счете всегда определяется не властью и вообще не намерениями людей, а экономическими законами, которые, подобно древним богам, в случаях, когда люди упорно не хотят с ними считаться, обрушивают на их голову свой гнев.

Сегодня новым основанием для «гнева богов» является незнание экономистами закономерностей развития *акционерной формы* производства. Не владея марксистской теорией и не считаясь с

⁸ В. Корниенко. Товарные отношения и форма рабочей силы при социализме. — «Экономические науки». 1990. № 3. С. 16.

⁹ И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 3.

¹⁰ Дж. Ходжсон. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М., 2003. С. 18.

ней, они не видят того, что за последние 100 лет произошло массовое перерастание акционерных компаний *предпринимательского* типа в акционерные корпорации *бюрократического* (*менеджерского*) типа. Это в свою очередь обусловило превращение *капиталистического* способа производства, управляемого частными собственниками и предпринимателями, в *некапиталистический*, корпоративный способ производства, управляемый наемными работниками корпораций с минимальным контролем или даже при отсутствии его, как со стороны частных акционеров, так и со стороны государства и общества.

Что происходит при таком превращении, марксистской теорией объясняется совершенно определенно. К. Маркс на основе уже тех фактов, которые обнаружили при его жизни, пришел к выводу, что образование крупной акционерной собственности означает «упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства». Это есть «упразднение капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического способа производства и потому само себя уничтожающее противоречие, которое прежде всего представляется простым переходным пунктом к новой форме производства». Причем, поскольку это противоречие существует, «оно ведет к установлению монополии и потому *требует государственного вмешательства*. Оно воспроизводит новую финансовую аристократию, новую разновидность паразитов в образе прожектеров, учредителей и чисто номинальных директоров; оно воспроизводит целую систему мошенничества и обмана в области учредительства, выпуска акций и торговли акциями. Это — частное производство без контроля частной собственности (курсив мой. — В. Л.)»¹¹.

Новое качество экономических отношений в условиях возникшего в результате таких изменений *государственно-частного* капитала состоит в том, что «кредит предоставляет отдельному капиталисту или *тому, кто считается капиталистом*, абсолютное в пределах известных границ распоряжение чужим капиталом и чужой собственностью и вследствие этого чужим трудом. Распоряжение общественным, а не собственным капиталом позволяет ему распоряжаться общественным трудом... Здесь исчезает всякое мерило, всякие более или менее обоснованные в пределах капиталистического способа производства оправдания. Спекулирующий оптовый торговец рискует не своей, а общественной собственностью (курсив мой. — В. Л.)»¹².

В этих новых условиях «*уничтожения* капиталистической собственности», заключающегося в скрытом виде в развитии кредита, «значительная часть общественного капитала применяется не-собственниками его, пускающими в силу этого в предпринимательскую деятельность *совсем по-иному, чем собственник*, который, поскольку он функционирует сам, боязливо взвешивает ограниченные возможности своего частного капитала (курсив мой. — В. Л.)»¹³.

Спустя 15 лет после открытия К. Марксом *некапиталистической* сущности акционерного капитала и *спекулятивного характера* наклонностей его наемных управляющих, Ф. Энгельс отметил, что в условиях акционерного капитала происходит процесс отмирания руководящих функций капиталистов. Он подчеркнул, что ресурсы акционерного капитала «принадлежат не отдельным капиталистам, которые сами ведут свои дела, а акционерным компаниям, дела которых ведут за них *наемные лица* — служащие, положение

¹¹ К. Маркс. Капитал. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 25. Ч. 1. С. 479, 481—482.

¹² Там же. С. 482.

¹³ Там же. С. 484.

которых в сущности одинаково с положением привилегированных, лучше оплачиваемых рабочих. Что же касается директоров и держателей акций, то и те и другие знают, что, чем менее первые вмешиваются в управление, а последние — в наблюдение, тем лучше для предприятия. Слабое и большей частью небрежное наблюдение является, в самом деле, единственной функцией, остающейся в руках владельцев предприятия. ...Капиталисты, собственники этих огромных предприятий, не выполняют никакого другого дела, кроме получения каждые полгода денег по купонам на дивиденды. Социальная функция капиталиста перешла здесь в руки служащих, получающих заработную плату; а капиталист продолжает класть в карман в виде дивидендов вознаграждение за эти функции, хотя он перестал их выполнять... Тут уж, конечно, существование “ушедшего в отставку” акционера-капиталиста становится не только излишним, но и совершенно вредным»¹⁴.

В этом кратком выводе роль капиталистической акционерной собственности в эволюционном способе упразднения капитализма проявляется совершенно определенно. Впоследствии факт усиления роли наемных лиц в корпорациях был наукой многократно подтвержден. Тенденция подчинения не только простых акционеров, но и директоров предприятий своим управляющим непрерывно возрастала. «Акционеры, понимая слабость положения, становятся пассивными; они либо автоматически голосуют за список управляющих, либо вообще не участвуют в голосовании. Директора приходят к выводу, что своей властью они обязаны управляющим, а не акционерам. Поэтому они ограничиваются простым утверждением решений управляющих»¹⁵.

¹⁴ **Ф. Энгельс.** Общественные классы — необходимые и излишние. — **К. Маркс, Ф. Энгельс.** Сочинения. Т. 19. С. 297—298.

¹⁵ **Дж. К. Гэлбрейт.** Экономические теории и цели общества. М.; СПб., 2004. С. 118.

Уже к середине XX века стало очевидно, что «в крупной корпорации — это обычно лишь пассивный получатель дохода; что, как правило, контроль находится в руках администрации и что управляющие сами подбирают своих собственных преемников»¹⁶.

Й. Шумпетер, подробно и последовательно рассмотрев новые факты развития крупной акционерной собственности, пришел к выводу о существовании процесса «созидательного разрушения», которым сопровождается капиталистический способ производства помимо сознания и воли самих капиталистов. Он не был марксистом, но являлся вдумчивым и честным ученым, сумевшим показать преимущества монополии перед совершенной конкуренцией, невозможность эффективного развития монополий на конкурентных принципах и неизбежность «отмирания предпринимательской функции», вытеснения ее деперсонифицированным трудом «бюро и комиссий». «Поскольку капиталистическое предпринимательство в силу собственных достижений имеет тенденцию автоматизировать прогресс, мы делаем вывод, — обоснованно утверждал Шумпетер, — что оно имеет тенденцию делать самое себя излишним — рассыпаться под грузом собственного успеха. Совершенно обюрократившиеся индустриальные гиганты не только вытесняют мелкие и средние фирмы и “экспроприируют” их владельцев, но в конечном итоге вытесняют также и предпринимателя и экспроприируют буржуазию как класс, который в этом процессе рискует потерять не только свой доход, но, что гораздо более важно, и свою функцию. Истинными провозвестниками социализма были не интеллектуалы и не агитаторы, которые его проповедовали, но Вандербильты, Карнеги и Рокфеллеры. Результат может оказаться не совсем по вкусу марксистским социалистам, тем

¹⁶ Там же. С. 119.

более не по вкусу социалистам в более популярном (Маркс сказал бы — вульгарном) понимании. Но что касается самого прогноза, то здесь наши выводы полностью совпадают»¹⁷.

Таким образом, XX век подтвердил теорию марксизма, его учение о путях развития социализма под воздействием капиталистического обобществления производства. Однако при жизни основоположников положение *«наемных лиц — служащих»* было еще «одинаковым с положением привилегированных, лучше оплачиваемых рабочих». Их *превращение в хозяев* корпораций, имеющих доходы более высокие, чем у рядовых работников и собственников-акционеров, произошло гораздо позже. Сделать научный вывод из подобных фактов — такая честь предоставлена современным экономистам. И он достаточно очевиден: «наемные лица» современных корпораций в лице «членов исполнительного аппарата в крупных компаниях» превратились в полновластных хозяев своих компаний, новых эксплуататоров, *но не капиталистов, а «тех, кто считается капиталистом»*, если держаться научной, а не обывательской терминологии.

По мере развития производительных сил кардинальные изменения произошли в структуре общества. Пролетариат в строгом смысле слова за истекшие 150 лет исчез. Рабочий класс, который состоял в прошлом главным образом из работников физического труда, значительно уступил и продолжает уступать местоклассу «белых воротничков» — служащих. Так, в развитых странах в начале XX века соотношение производственных рабочих с «канцелярскими служащими» составляло приблизительно 20:1. К 1930 году оно сократилось до 12:1, к середине столетия — до 8:1¹⁸, а к его концу стало равным 1:1.

¹⁷ **Й. А. Шумпетер.** Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 185, 187.

¹⁸ *См.* «Курс для высшего управленческого персонала». М., 1970. С. 17.

Либеральные теоретики придают этому факту чрезмерное значение. Причем едва ли не каждого чиновника они готовы записать в капиталисты. Между тем «гигантская армия управленцев» с ее тенденцией «освобождать буржуазию от той функции, которой она обязана» своим «престижем и социальным весом»¹⁹, сделала свое «черное дело». Капиталисты в значительной степени выродились в обыкновенных владельцев капитала и *как господствующий класс перестали существовать*. Пока они еще сохранились в сфере мелкого и среднего бизнеса, но в крупных корпорациях капиталисты, вытесненные из сферы управления профессиональными менеджерами, либо измельчали до простых акционеров, либо превратились в рантье.

Распределение доходов в посткапиталистическом обществе

Если предположить, что в России наступил капитализм, то в ней должен быть и класс крупных капиталистов. Однако всезнающая российская статистика то ли еще его не обнаружила, то ли не торопится объявлять. Те, кого коммунисты ругают капиталистами, на поверку оказываются только топ-менеджерами корпораций. Хотя, конечно, капиталисты в постсоветской России есть. Это в основном мелкие и средние предприниматели, которые не столько эксплуатируют своих наемных рабочих, сколько вместе с ними эксплуатируются коррумпированными чиновниками крупных корпораций и государственных структур, возмнившими себя предпринимателями.

Формационная теория, выделяющая в обществе два противоположных класса, позволяет понять коренные противоречия общества, составляющие ос-

¹⁹ **Й. А. Шумпетер.** Капитализм, Социализм и Демократия. С. 194.

нову его развития, если, конечно, знать, что классовая структура реального общества во все времена является более сложной. Поэтому основоположники марксизма при исследовании классовой борьбы всегда выделяли больше, чем два класса. Так, К. Маркс, анализируя события, приведшие к образованию буржуазной республики во Франции, выделил как самостоятельные силы, выступившие на стороне буржуазии, «финансовую аристократию, промышленную буржуазию, средние слои, мелких буржуа, армию, люмпен-пролетариат, интеллигенцию, попов и сельское население»²⁰. Ф. Энгельс, исследуя историю крестьянской войны в Германии в XVI веке, выделял в тогдашнем обществе князей, среднее и низшее дворянство, аристократическую и плебейскую части духовенства, бюргерское и плебейское сословия горожан, крестьянство²¹. Такая методика позволяет правильно понять более тонкие закономерности развития общества, чем анализ противоречий основных классов.

Помимо известного ленинского понимания классов²², интерес представляет также формулировка М. И. Туган-Барановского, который определял социальный класс как «общественную группу, члены которой находятся в одинаковом экономическом положении по отношению к общественному процессу присвоения одними общественными группами прибавочного труда других групп и, вследствие этого, имеют общих антагонистов и общие экономические интересы в процессе общественного хозяйства». «Каждый класс, в свою очередь, — добавляет М. И. Туган-Барановский, — не есть что-либо совершенно однородное, но подраз-

деляется на подклассы или классы второго порядка, эти последние на классы третьего порядка и т. д. Где имеются устойчивые антагонизмы интересов, там имеются и различия классов»²³.

Таким образом, научная методология признает наличие в обществе более чем двух классов, различаемых по наиболее существенному признаку — способности его представителей присваивать «прибавочный труд других групп», объективно обусловленной их *местом и ролью в общественной организации труда*. В капиталистическом обществе это, конечно, капиталисты, которых в процессе научного анализа следует разделять на классы «второго, третьего и т. д. порядка». Но после революционного упразднения капиталистов «как класса» — как в России и Китае, или избавления их от управляющих функций эволюционным путем — как в США и Западной Европе, прибавочный труд присваивается, по крайней мере формально, всем сообществом акционеров корпораций или всеми гражданами общества в лице их приказчика — государства, что тем более предполагает сложную классификацию классов, а не придумывание модели «бесклассового общества».

Этот процесс, медленно, но неуклонно совершающийся уже более ста лет, все еще до конца не осмыслен наукой и, соответственно, не стал программной основой для политических партий и руководством к действию для гражданского общества. Поэтому в настоящее время во всем мире прибавочным продуктом как корпораций, так и общества в целом, распоряжаются управляющие, причем с большими возможностями для личного обогащения. Именно этот факт вызывает, осознанно или нет, наибольший интерес членов посткапиталистического общества и основные теоретические и практические проблемы его организации.

²⁰ К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 8. С. 126.

²¹ См. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 7. С. 348—357.

²² См. В. И. Ленин. Великий почин. — Он же. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15.

²³ М. И. Туган-Барановский. Основы политической экономии. СПб., 1911. С. 337, 340.

В самом этом факте ничего нового или особенного нет. Мировая история свидетельствует, что процесс вытеснения собственников управляющими совершался повсеместно и многократно — как в локальных, так и в общественных масштабах. Анализ условий, при которых это происходит, показывает, что так случается каждый раз, когда экономическая функция собственности отделяется от титула (права) собственности. Именно такова суть уже отмеченного наукой, но еще недостаточно раскрытого факта отделения функции управления от собственности в современном обществе, где главными функционерами являются государственные и хозяйственные управляющие, именуемые бюрократами, чиновниками и топ-менеджерами.

В стабильно существующем обществе бюрократия обычно находится под строгим контролем класса собственников, и потому ее главным способом обогащения является преданное служение своим хозяевам, особенно если кража хозяйского имущества жестко преследуется. Но, как со знанием дела замечает Ф. Фукуяма, «интересы представителей никогда не могут целиком встроиться в интересы нанимателей»²⁴. Как только собственники ослабляют выполнение функций охраны собственного имущества и контроля своей бюрократии, тяга последней к «приватизации» находящихся в ее распоряжении ценностей усиливается.

То, что на данном отрезке времени в России социальная группа управляющих нещадно эксплуатирует все остальное общество, знают все россияне. Менее известно, что в соответствии с созданным ими механизмом распределения доходов при повышении доходов беднейшей половины населения на рубль самая богатая группа населения прибавляет себе восемь рублей²⁵. Как

ни возмутительна такая система распределения, созданная российскими бюрократами, она не составляет российской специфики. Не лучше обстоят дела, например, в США, где в 1980 году «члены исполнительного аппарата в крупных компаниях зарабатывали в 45 раз больше обычных сотрудников. Однако к 1995 году соотношение выросло до 160 раз, а к 1997 году достигло отметки в 305. Исполнительные директора стремились сохранить свое благосостояние, и им это удалось — к 2000 году, несмотря на то, что реально прибыли компании не росли, они получали в 458 раз больше рядовых сотрудников»²⁶.

Гражданское общество должно понимать, что *так растут доходы не капиталистов, а управляющих* — наемных работников корпораций и что так будет и впредь в России, в США, во всех остальных странах до тех пор, пока не будет изменена действующая система *распределения* производственных ресурсов и прибавочного продукта. Поэтому, если современное общество не хочет превратиться в эксплуатируемую массу складывающегося по мере *умирания* капитализма *некапиталистического* класса профессиональных государственных и хозяйственных управляющих, оно должно найти возможность как минимум *вывести функцию распределения общественных ресурсов и прибавочного продукта из ведения этого класса, найдя необходимый для этого способ непосредственно общественного распределения*.

В соответствии с классическим научным методом современное общество целесообразно разделить на классы *по признаку их места и роли в организации общественного труда и распределения прибавочного продукта*. Основными из них являются управляющий и управляемый классы. К *управляющему*

²⁴ Ф. Фукуяма. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006. С. 100.

²⁵ См. Д. С. Львов. Доклад. — «Советская Россия». 14.07.2007.

²⁶ П. Кругман. Великая ложь. Сбиваясь с пути на рубеже нового века. М., 2004. С. 145.

классу относятся государственные служащие и управленческие работники корпораций, названные Дж. Гэлбрейтом «техноструктурой», а в просторечии именуемые чиновниками и бюрократами. *Управляемый* класс — это класс наемных работников, не участвующих или слабо участвующих в управлении, по отношению к которым управляющие чиновники являются работодателями. Класс корпоративных управляющих по признаку различия выполняемых функций и производных от них интересов разделяется на подклассы *высших руководителей*, принимающих решения, и *технических управляющих*, которые участвуют в их подготовке и исполнении.

Но интересы высших руководителей тоже нетождественны. В зависимости от отрасли деятельности их надо подразделить на подклассы управляющих *финансовыми* и *промышленными* ресурсами. В свою очередь в подклассе управляющих промышленными ресурсами очевидно нетождественны интересы управляющих предприятий, ориентированных на *внутренний* и *внешний* рынки, то есть представителей *патриотического* и *компрадорского* капитала. Различны также интересы менеджеров крупных корпораций — «*олигархов*», способных подчинять себе государственную власть, и «*аутсайдеров*» — управляющих небольшими корпорациями, не имеющих на них заметного влияния.

Все названные социальные группы в совокупности составляют *класс менеджмента, или хозяйственной бюрократии*. От него следует отличать *класс частных предпринимателей*, которые в отличие от профессиональных менеджеров являются действительными представителями частного бизнеса, воспроизводящими отношения *действительной рыночной экономики*. Но интересы этого класса тоже неоднородны, поскольку он состоит из представителей мелкого бизнеса и

финансовых спекулянтов. Их принципиальное отличие заключается в том, что первые эксплуатируются корпоративным рынком едва ли не больше, чем рабочие и служащие корпораций, и поэтому враждебны к нему. Вторые сами эксплуатируют корпоративный рынок, паразитируя на его финансовой системе. Наконец, существует аппарат власти — *государственная бюрократия*, состоящая из рядовых служащих и специалистов, с одной стороны, и региональных и федеральных руководителей, с другой, имеющих нетождественные интересы.

Все эти знания, выработанные классической политической экономией, большинством политиков и ангажированных ими конъюнктурных представителей экономической науки в настоящее время игнорируются. В результате в обществе отсутствует понимание того, что корпорациями управляют не частные собственники, а наемные работники частных собственников (акционеров) и государства, которые не контролируются должным образом своими собственниками и потому ведут себя *как* частные собственники. Поэтому многие все еще привычно думают, что живут при капитализме, тогда как на самом деле они давно уже находятся в посткапиталистическом обществе, управляемом государственной и хозяйственной бюрократией. Вот эти знания и должны стать предметом экономического образования и просвещения граждан.

Главный итог перемен, происшедших в мировом сообществе за последние полтора века, состоит в том, что «капиталистический процесс отодвигает на задний план все те институты, в особенности институт частной собственности и институт свободного контракта, которые выражали потребности и методы истинно «частной» экономической деятельности... Капиталистический процесс, подменяя стены и оборудование завода простой пач-

кой акций, выхолащивает саму идею собственности. Он ослабляет хватку собственника, некогда бывшую такой сильной, — законное право и фактическую способность распоряжаться своей собственностью по своему усмотрению. В результате держатель титула собственности утрачивает волю к борьбе — борьбе экономической, физической и политической за “свой” завод и свой контроль над этим заводом, он теряет способность умереть, если потребуется, на его пороге»²⁷.

С тех пор как Й. Шумпетером были написаны эти слова, все отмеченные им признаки разложения капитализма, подтверждающие смертный приговор, вынесенный В. И. Лениным в «Империализме...», только усилились. На Западе «экономисты давно уже признали, что власть от акционеров переходит к управляющим. Растет также понимание того, что цели управляющих могут отличаться от целей владельцев». Не составляет тайны и причина совершающегося в мире переворота, менее заметного, чем Октябрьская революция, но зато более масштабного и неотвратимого — это «отделение собственности от процесса управления»²⁸.

Научно-технический прогресс, требующий роста капиталовложений, и другие факторы (дробление наследств, необходимость диверсификации крупных пакетов акций) «привели к тому, что у капиталистов контрольные пакеты стали охватывать меньше 50 процентов акций компаний, и их доля продолжала падать... В результате юридическая власть капиталистов над ресурсами компаний оказалась непрочной» и фактическими распорядителями большинства монополий в развитых индустриальных странах стали их управляющие. Если в 1900—1901 го-

дах, по данным 40 крупных американских компаний, в каждой четвертой преобладал контроль управляющих, то в 1929—1930 годах «он доминировал уже в 44 процентах из 200 крупных нефинансовых корпораций США. В аналогичной по размеру выборке 1974 года Герман обнаружил, что доля этого контроля поднялась до 82,5 процента общего числа компаний. Ее расширение наблюдалось в развитых странах и в конце столетия, особенно в Японии, где она достигала 90 процентов»²⁹.

Управляющим корпораций совсем не обязательно владеть контрольным или просто большим пакетом акций, чтобы быть крупнейшими акционерами. В США, например, доля участия в собственности крупной корпорации в размере 5 процентов в большинстве случаев достаточна для контроля над ней³⁰. Здесь «в середине 1970-х годов в 73,5 процента из 200 крупнейших нефинансовых корпораций высшим менеджерам принадлежало менее полпроцента голосующих акций». В то же время «удельный вес крупных собственников акций в числе директоров 100 крупнейших промышленных корпораций США в 1970-х годах составлял всего 4,4 процента»³¹. Вытеснение капиталистического способа хозяйствования менеджерским является главным свидетельством отмирания капиталистической формации. Поскольку капиталистический экономический базис в капиталистическом обществе уже не существует, обществу осталось сменить только надстройку — создать аппарат власти, способный обратить крупные корпорации и природные ресурсы на пользу всего народа, а не только управляющей верхушки.

²⁹ С. Л. Афанасьев. Будущее общество. М., 2000. С. 210, 410.

³⁰ См. Ф. Ландберг. Богачи и сверхбогачи. М., 1975. С. 37.

³¹ С. Л. Афанасьев. Будущее общество. С. 270, 264.

²⁷ Й. А. Шумпетер. Капитализм, социализм и демократия. С. 197.

²⁸ Дж. К. Гэлбрейт. Экономические теории и цели общества. С. 123.

Удивительно, но факт, что в последние годы экономисты почти не вспоминают о государственно-монополистической форме собственности и ее разновидностях: государственно-капиталистической и государственно-корпоративной. Создается впечатление, что данных форм собственности нет вовсе. В действительности их роль и общественная значимость в XX веке во всем мире многократно усилились, а организационно-правовые формы выражения под воздействием известных исторических событий модифицировались. В СССР государственно-капиталистическая собственность в революционно короткий срок была преобразована в государственную. В западных странах *тот же процесс* совершался постепенно под воздействием двух основных факторов:

1) замещения внутри корпораций власти капиталистов властью их наемных управляющих — менеджеров;

2) вовлечения корпораций в сферу *государственного рынка*, на котором государство является единственным или основным покупателем, диктующим свою волю частным корпорациям-продавцам.

Это совершенно новая форма рынка, которая по уровню развития отношения *планомерности* имеет много общего с рынком, сложившимся в СССР. Симптоматично, что наиболее высокого уровня организация такого рынка достигнута в США в форме федеральной контрактной системы (ФКС). В результате в современном посткапиталистическом мире основной формой собственности, помимо государственной, стала государственно-корпоративная.

Таким образом, современное посткапиталистическое общество представляет собой социально-экономическую систему, структурными элементами которой являются, как было показано выше, следующие подсистемы (способы производства, уклады, способы хозяйствования):

- государственная,
- корпоративная,
- государственно-корпоративная,
- предпринимательская, в том числе капиталистическая,
- домашняя (семейная).

Помимо рыночных капиталистических отношений в современном посткапиталистическом обществе имеют место:

— подсистема государственных *нерыночных* отношений, обусловленных *нерыночными способами присвоения* природных и основных капитальных ресурсов;

— подсистема *рыночных, но не капиталистических* отношений, какими являются кооперативные и семейные товарные предприятия;

— подсистема *нерыночных* отношений семейного и индивидуального домашнего хозяйства, предназначенного для собственного потребления.

В их существовании довольно просто убедиться каждому. Является ли это *посткапиталистическое* общество уже постиндустриальным или все еще остается индустриальным — не существенно. Главное, что *оно не является ни капиталистическим, ни рыночным*. Его, конечно, нельзя называть и социалистическим — слишком слабы и не развиты в нем элементы социализма. Но надо твердо знать и ясно понимать, что подавляющее большинство современного общества составляют наемные работники разных профессий — от государственных и хозяйственных чиновников до специалистов и разнорабочих. Поэтому преобладают в нем интересы не частных собственников и предпринимателей, а *общие интересы наемных работников*.

Одним из главных общих классовых интересов наемных работников является справедливое *распределение доходов по результатам труда*. Реализация этого интереса является основным фактором стабильности

современного общества, а попытка любой профессиональной группы превратить свой групповой интерес в преобладающий служит причиной роста общественных противоречий, способных вырастать до конфликтов любого уровня.

Поэтому характеристика современного этапа в развитии общества как *переходного от плановой к рыночной экономике является совершенно неправильной*. Подобно тому, как в 1920-х годах определения «социалистический» и «коммунистический» выражали цель революции и намерение советской власти ее осуществить, определения «рыночный» и «капиталистический» в 1990-е годы выражали цель рыночных реформаторов и намерение либеральной власти ее реализовать. Разница в том, что к строительству социализма большевики приступили, когда еще *не были готовы все экономические условия*, а создать капиталистическую экономику рыночники взялись, когда *условия для нее уже исчезли*. Поэтому, хотя бы и со многими жертвами и искажениями, но через 20 лет социализм все-таки победил. Перспективы же победы капитализма через 20 лет после прихода к власти рыночных реформаторов оказались еще более далекими, чем в начале.

Вот почему разговоры в научной печати о рынке, частной собственности и капитализме как перспективном направлении общественного развития — признак не только экономического невежества отдельных политиков, но и *деградации фундаментальных экономических знаний, способствующей усилению общественных противоречий и чреватому их доведением до революционных потрясений*. Утверждая, например, что создание условий для скорейшей трансформации системы государственной собственности «в частнособственническую рыночную отвечает интересам граждан», журнал

«Вопросы экономики»³² фактически говорит своим гражданам неправду и объективно создает условия для гражданской войны, поскольку такая «трансформация» ни к чему другому в XXI веке привести не может.

В отличие от новых догматиков, перестроившихся из апологетов марксизма в его критиков, К. Маркс определил «капиталистические акционерные предприятия, как и кооперативные фабрики, ...как переходные формы от капиталистического способа производства к ассоциированному»³³. Если кто-то считает, что Маркс ошибся, пусть попробует ему обоснованно возразить. Но практика XX века подтверждает, что он был прав. В связи с этим главной задачей современных экономистов посткапиталистической эпохи становится развитие и пропаганда учения о природе акционерной собственности, и прежде всего знания того, что *управляющие корпораций — не их собственники и даже не частные предприниматели. Они — наемные работники либо государства, либо частных акционеров, требующие установления контроля над ними со стороны собственников*.

Этот сам по себе бесспорный факт подтверждается тем, что управляющие корпораций, не ощущая себя частными предпринимателями, стремятся к максимуму не прибыли для корпорации, а дохода для себя лично. Понимание этого факта объясняет многое: и то, что закон максимизации прибыли, присущий капиталистическому способу производства не распространяется на корпоративный сектор, и то, что производительность труда при переходе от государственной к приватизированной экономике стала, по признанию В. В. Путина, «недопустимо

³² См. Н. Плискевич. Система «власть — собственность» в современной России. — «Вопросы экономики». 2008. № 5. С. 126.

³³ К. Маркс. Капитал. — К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 25. Ч. 1. С. 484.

низкой», и многочисленные нарушения во всем мире управляющими корпораций экономического закона, не позволяющего доходам общества расти быстрее производительности.

Поскольку менеджеры корпораций — не их частные собственники, а только «рядятся в тогу предпринимателя»³⁴, то главной задачей общества становится не упразднение их «как класса», что следовало бы из их признания подлинными капиталистами, а управление ими. Управление по всем правилам научного менеджмента, с контролем и ответственностью управляющих, с оплатой их «по труду», а не умению спекулировать конъюнктурными преимуществами своего социального положения. Такая задача, с одной стороны, вселяет надежды на возможности достаточно мирного способа ее реализации, а с другой — усложняет перспективы поиска правильных решений из-за ее новизны и отсутствия общепризнанной теории, которая позволила бы найти выход из противоречий общественных интересов. Основы ее можно найти в работах Дж. Гэлбрейта, других институционалистов XX столетия, но они еще требуют своего развития.

История уже сделала главное дело — ликвидировала *экономическое* господство частной собственности на основные средства производства. И если *право* частной собственности на них

все еще преобладает, то претензии за это следует предъявлять корыстным чиновникам, экономически неграмотным политикам и беспринципным теоретикам. Для преодоления негативных явлений, порождаемых ошибочным представлением о природе корпораций, обеспечения эффективного функционирования их самих и тем самым постиндустриальной экономики в целом общество должно пресечь попытки управляющих к превращению корпораций в свою частную собственность. В этих целях управляющим корпораций *всех форм собственности*, как и всем другими категориям наемных работников, обществом прежде всего должен быть установлен общий порядок вознаграждения — за эффективность их труда, исчисляемую по конечным результатам работы корпораций.

В. Иноземцев совершенно прав, когда отмечает, что «эпоха вседозволенности, наступившая в начале 1990-х, не закончилась» и все более насущной оказывается задача «завершить эту эпоху и перейти к реализации продуманной модернизационной парадигмы»³⁵. Вопрос однако в том, от кого можно ждать разработки такой парадигмы, и какая теория должна быть положена в ее основу. Думается, только не та, которая видит перспективу развития человечества в рынке и капитализме. Ибо конец предыстории уже наступил. ♦

³⁴ Дж. К. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество. М., СПб., 2004. С. 146.

³⁵ В. Л. Иноземцев. Призыв к порядку. — «Свободная мысль». 2008. № 10. С. 70.